
ДИАЛЕКТИКА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ*

Гезалов А. А.**

В статье отмечается, что глобализация является ключевым фактором формирования полицентричности в современном мире. Глобализация как объективный процесс объединяет различные страны и регионы мира в единую сеть экономических, политических и культурных взаимосвязей. Расширяя экономические связи, она способствует увеличению объема международной торговли, инвестиций и финансовых потоков между странами. Различные государства становятся важными игроками на мировой арене и вносят свой вклад в глобальную экономику. Глобализация служит распространению информационных технологий, что способствует укреплению связей между различными культурами и народами, а также позволяет различным государствам активно участвовать в глобальных дискуссиях. Глобализация также способствует развитию международных организаций, расширению культурных связей, где различные государства имеют возможность вносить свой вклад в принятие решений. Все эти факторы содействуют формированию полицентричной системы.

Ключевые слова: глобализация, социокультурная трансформация, полицентричность, информационные технологии, экономика, политика, коммуникация.

DIALECTICS OF GLOBALIZATION PROCESSES AND THE FORMATION OF POLYCENTRICITY IN THE MODERN WORLD

The article notes that globalization is a key factor in the formation of polycentricity in the modern world. Globalization as an objective process unites various countries and regions of the world into a single network of economic, political and

* **Для цитирования:** Гезалов А. А. Диалектика глобальных процессов и формирования полицентричности в современном мире // Век глобализации. 2024. № 2. С. 92–101. DOI: 10.30884/vglob/2024.02.07.

For citation: Gezalov A. A. Dialectics of Globalization Processes and the Formation of Polycentricity in the Modern World // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2024. No. 2. Pp. 92–101. DOI: 10.30884/vglob/2024.02.07 (in Russian).

** Гезалов Ариз Авяз оглы – к. филос. н., в. н. с. сектора исследований социокультурных и медиакоммуникаций института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИС ФНИСЦ РАН), руководитель исследовательской группы «Диалог культур: философско-мировоззренческие проблемы» РФО Российской академии наук (Москва – Баку, Россия – Азербайджан). E-mail: arizkam@mail.ru.

Ariz A. Gezalov – Ph.D., leading researcher of Sociocultural and Media Communications Research Sector of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), Head of the ‘Dialogue of Cultures: Philosophical and Worldview Problems’ Research Group of the Russian Philosophical Society of RAS (Moscow – Baku, Russia – Azerbaijan). E-mail: arizkam@mail.ru.

cultural relationships. By expanding economic ties, it helps to increase the international trade, investment and financial flows between countries. Different countries become important players on the world stage and contribute to the global economy. Globalization facilitates the spread of information technology, which strengthens the ties between different cultures and peoples, and also allows different states to actively participate in global debates. It also contributes to the development of international organizations, the expansion of cultural ties, where different states have the opportunity to contribute to decision-making. All these factors lead to the formation of a polycentric system.

Keywords: *globalization, sociocultural transformation, polycentricity, information technology, economics, politics, communication.*

Самое важное – не то глобальное, до чего додумались другие,
но то маленькое, к чему пришел ты сам.

Харуки Мураками

Мир сегодня, если так можно сказать, вернулся к состоянию полицентричному. Но глобализация как основной геополитический вектор последнего времени представляет собой не только геополитическую доктрину и соответствующие экономические технологии ее реализации, но и новое видение мира, преобразующее многоликость человеческой цивилизации, по сути, навязываемую миру новую ценностную парадигму, подменяющую смыслы и ценности общечеловеческого и национального бытия [Горшков и др. 2022: 193].

На наш взгляд, что бы ни происходило в современном мире, глобализация – особый и пока высший этап интеграции, начавшийся на рубеже 1980–1990-х гг. XX в. Глобализация – это процесс формирования и развития единого общемирового финансово-информационного пространства за счет предельного упрощения коммуникаций на базе информационно-компьютерных технологий [Чумаков 2018; Делягин 2019: 75]. Поэтому она имеет значительное влияние на формирование полицентричной системы международных отношений (например, распространение информационных технологий, расширение экономических связей, развитие международных организаций, расширение культурных связей).

Управляется ли кем-либо глобализация, или же она в целом является стихийным процессом? Кто и как от нее выигрывает, следует ли безоговорочно принять все ее последствия? Могут ли все государства и народы регулировать свое развитие в условиях глобализации? Число этих сложных вопросов перманентно растет, часто не находя однозначных ответов.

При анализе общих черт глобализации многие исследователи выделяют в качестве важной ее особенности то, что она перманентно втягивает в орбиту своего влияния все страны и общества мира. Этот сложный и многомерный процесс состоит из нескольких автономных потоков, оказывающих на глоболизирующиеся страны конкретные политические, экономические, социокультурные трансформационные воздействия. Фактически каждая страна, решая важный для себя вопрос, «как глобализироваться», сталкивается с серьезными проблемами выбора стратегии вхождения в многомерный поток глобализации, навязывающий различные сценарии трансформации. Каждое общество действительно имеет дело с «многоликой» глобализацией, и это обстоятельство значительно затрудняет для него выбор оптимальной модели глобализационного развития. Глобализация выдвигает

перед каждой страной комплекс конкретных и специфичных задач, решение которых предполагает проведение более глубокого структурно-типологического анализа. Кстати, на это указывают и выводы теоретической глобализации: большинство ученых, подчеркивая структурную сложность глобализации и ее типологическую многомерность, косвенно признают важность выделения сфер (типов) глобализации как необходимое условие конкретизации ее влияния на характер трансформации того или иного общества [Гезалов 2009].

Среди внешних условий культурных трансформаций в нашей стране нельзя обойти общие геополитические процессы, которые неизбежно влияют на все происходящее в общественной жизни различных стран, в том числе и на культуру. Более того, роль геополитических факторов культурных изменений в последние десятилетия резко возрастает, а «культурные противоречия» (С. Хантингтон) все более определяют состояние и перспективы международных отношений, а также формирование нового социокультурного и информационного пространства. При этом еще в конце 1990-х гг. один из крупнейших российских политологов А. С. Панарин отметил драматизм ситуации в межкультурном взаимодействии из-за того, что происходит резкое ослабление статуса «другого» в мире – того, кто выступает источником альтернативного знания [Панарин 1998а: 26], и, соответственно, другой культурной картины мира.

Проблема культуры приобретает особое звучание в контексте глобализации, которая, с одной стороны, *создает невиданные доселе возможности* для сближения культур, расширения коммуникативного пространства, обогащения образа жизни людей новыми знаниями, технологиями, идеями, а с другой – *порождает множество серьезных проблем и деструктивных тенденций*. В их числе – кризис идентичности [Горшков 2012].

Следует отметить, что на современном этапе глубинная трансформация затрагивает весь спектр основ развития мирового сообщества. Она связана с новым уровнем отношений между странами в экономическом и политическом смысле. Идет пересмотр отношения к природе, что связано с усилением деградации природной среды, пересмотр взаимоотношений между развитыми и развивающимися странами, что связано с эскалацией агрессии в отношении стран третьего мира. Эта агрессия сказывается на благополучии и процветании самих же ведущих стран, вынужденных сегодня принимать тысячи беженцев из регионов, охваченных конфликтами, катализатором которых они сами же и стали. Новая картина мира заставляет по-новому отнестись к глобальным политическим и экономическим процессам, оценить их заново, чтобы строить взаимовыгодные отношения в условиях мира и взаимопонимания [Гезалов 2009: 135].

Известный специалист У. Бек утверждает, что при разработке адекватной картины глобализационного развития «необходимо проводить различие между разными сферами глобализации» [Бек 2001: 48]. Сам он при анализе сути глобализации руководствуется теоретической установкой, что этот феномен представляет собой структурно многомерный процесс, главными компонентами (ключевыми факторами) которого являются экономические, политические и социокультурные потоки. Соответственно этим факторам в глобализации выделяются три сферы (или формы ее проявления), которые, по мнению специалиста, следует рассматривать как относительно самостоятельные процессы с собственными им-

манентными закономерностями, создающими по этой причине специфичные контексты для глобализационных трансформаций стран. Таким образом, У. Бек четко выделяет три типа глобализации: экономическую, политическую и культурную.

Нужно отметить, что взгляд на глобализацию как на «триединый процесс» доминирует в научном сообществе и большинство исследователей оперируют не с глобализацией вообще, а с той или иной конкретной формой ее проявления. Согласно мнению В. А. Тураева, на уровне отдельного государства глобализация понимается как интенсивность взаимосвязей между государственной экономикой и мировым хозяйством, а другая, не менее значимая ее составляющая – политическая. Далее автор причисляет к выделенным типам социокультурную глобализацию как наиболее значимую для трансформирующихся стран [Тураев 2002: 31]. К выделенным трем структурным компонентам (или типам) глобализации некоторые исследователи добавляют информационную (сетевую) глобализацию, а также человеческую. Так, например, А. Б. Вебер утверждает, что глобализация означает вхождение человечества в целом и конкретных государств в отдельности в «единую систему финансово-экономических, общественно-политических и культурных связей на основе новейших средств информатики и телекоммуникации» [Вебер 2002: 22]. В приведенной формуле глобализации подчеркивается особая значимость информационной революции, и это неудивительно, поскольку некоторые ученые выводят именно из ее имманентной логики сущностные черты глобализации.

А. В. Назарчук, подробно анализируя наиболее исследованные области глобализации, обращает внимание и на те концепции, в которых подчеркивается весомый вклад в процесс трансформации человечества «сетевой» (информационной) революции. Он подчеркивает, что сторонники сетевой модели глобализации интерпретируют этот процесс как закономерный результат информационного коллапса с образованием новой виртуальной реальности – сетевого общества [Назарчук 2002: 214].

Как следует из проведенного анализа, в сфере теоретической глобалистики обсуждаются различные типы глобализации, и это согласуется с общепринятым тезисом «сложности и многомерности» исследуемого феномена. Причем в каждом конкретном случае тот или иной тип глобализации интерпретируется автором как доминантный фактор: по существу, процесс глобализации отождествляется с рассматриваемым типом. Иными словами, в авторской трактовке каждый тип глобализации представляется как системообразующий фактор – постулируется особая его роль в формировании нового мегаобщества или формы человеческой жизни. Однако, не подвергая сомнению плодотворность информационного и человеческого измерений глобализации, расширяющих понимание типологически сложной природы глобализации (ее «многоликость»), стоит, на наш взгляд, особо выделить три составляющие этого процесса, а именно: экономическую, политическую и культурную глобализацию. Современное состояние глобалистики прежде всего определяется уровнем научной разработанности этих областей и признанием их ведущей роли в глобализационной трансформации человечества.

Причины повышенного внимания к экономической глобализации можно объяснить рядом обстоятельств. Во-первых, эта область глобализации на самом деле является наиболее «продвинутой» и ее глобализационные результаты, тенденции

более чем очевидны. Во-вторых, результаты экономической глобализации, согласно популярной марксистской идеологии, более материалистичны и тем самым более убедительны. В-третьих, именно с несомненными позитивами данной сферы глобализации ассоциируются надежды на построение мегаобщества благосостояния всего человечества. Нередко экономическая глобализация намеренно искажается и чрезмерно превозносится, при этом гипертрофируется ее позитивный аспект. Она интерпретируется однозначно как лишенный проблем и негативов процесс, приближающий человечество к подлинному процветанию.

Между тем в науке постоянно подчеркивается сложность, неопределенность, проблематичность глобализации в целом и экономической ее составляющей в частности. Ученые настаивают на том, что адекватное понимание экономической глобализации возможно только в контексте анализа всей глобализации как очень сложной системы взаимосвязей политических, экономических и социокультурных процессов. В качестве примера научной оценки глобализации можно сослаться на мнение П. А. Бергера: «...не может быть сомнения в том, что экономические и технологические преобразования, которыми обусловлено само явление глобализации, породили серьезные социальные и политические проблемы, такие как разделение на победителей и проигравших (как в пределах самого общества, так и между обществами) и вызов традиционным представлениям о национальном суверенитете» [Бергер 2004: 9]. Аналогичную трактовку глобализации дает и У. Бек: «Глобализация экономической активности сопровождается волнами трансформации в сфере культуры, процессом, который называют “культурной глобализацией”» [Бек 2001: 61]. Согласно научному подходу экономическая глобализация разворачивается под влиянием политической и культурной глобализации, и сама она индуцирует серьезные политические и социокультурные процессы и проблемы. Поэтому для построения адекватной картины экономической глобализации, в частности, необходимо проанализировать особенности других типов глобализации, а также механизмы взаимовлияния всех основных компонентов процесса. Такой подход полностью согласуется с пониманием глобализации как процесса интенсивной взаимозависимости не только государств, но и всех основных параметров общественной жизни.

Так, И. В. Ильин утверждает, что «глобализационная демократизация позволяет создавать альтернативные институты и институциональные комплексы демократического участия в управлении, которые можно рассматривать как своего рода зародышевые эволюционные формы контроля над развитием» [Там же: 211].

Проблемы демократии эпохи глобализации широко обсуждаются учеными, которые не сомневаются в неизбежности ее обновления. У. Бек полагает, что «процесс глобализации выстраивает транснациональные связи – плотную многомерную ткань из взаимных переплетений и обязательств, и эти связи должны, по видимому, выражать идею космополитической демократии и сделать возможной ее реализацию» и что «проект рыночной экономики всегда был также политическим проектом, причем тесно связанным с демократией» [Там же: 166, 240]. Таким образом, политическая глобализация возвращает нас к «третьей волне демократизации» и, соответственно, к новой постановке вопроса о сути демократии. Так как эти вопросы мы подробно рассмотрели в предыдущих разделах работы, по этой причине ограничимся лишь общими тезисами. Прежде всего отметим, что

среди ученых нет согласия в понимании парадигмальных особенностей новой (глобализационной) демократии. Э. Тоффлер говорит о «косвенной демократии» как о политической основе мегаобщества, У. Бек – о «космополитической демократии» и т. д. В обзорной статье И. Джохадзе демократизация периода глобализации анализируется как проявление тоталитаризма: сторонники этой концепции полагают, что демократический тоталитаризм (или «безграничная демократия»), в отличие от либеральной демократии, не решает социальные и политические проблемы, а просто маскирует их универсальными символами [Джохадзе]. Следует отметить, что глобализационные перспективы демократии довольно часто сравниваются с тоталитарными системами и, в частности, даже с коммунистической идеологией (такую аналогию фиксирует и У. Бек). Одним словом, политическая глобализация, актуализируя проблему демократизации, создает массу серьезных проблем теоретического и практического (эмпирического) характера, начиная с вопросов «Что такое глобальная демократизация?» и «Каким образом подвести под ее требования все глобализирующиеся страны?». Можно согласиться с мнением В. Кувалдина, что «демократизация глобализационных процессов остается проблемой проблем» [Кувалдин 2003: 73].

В этой сфере исследований обнаруживается общность взглядов в понимании исключительной важности культурной глобализации и серьезности поднимаемых ею проблем. На самом деле именно здесь нас подстерегают не только большие неопределенности, обусловленные смутным пониманием культурных контуров мегаобщества, но также и осознание неизбежных угроз и потерь. Отметим, что между экономической и культурной глобализацией есть, на наш взгляд, одно «психологическое» отличие. Позитивы первой воспринимаются более очевидным образом по сравнению с ее негативами, а в культурной глобализации в глаза бросаются возможные потери на фоне нечеткого видения преимуществ. Все ясно осознают, что взаимозависимость и транснационализация содержит, пусть и в виртуальной форме, угрозу деформации культурной самобытности. Глобализация универсалистски-унификационными тенденциями бросает явный вызов культурной самодостаточности стран. «Исходящие от глобализации унификационные импульсы, особенно касающиеся культуры, образа жизни, моделей поведения, – пишет А. А. Галкин, – вызывают в качестве ответной реакции завышенную оценку социокультурного своеобразия и самобытности. Таким образом, возникает среда, чрезвычайно питательная для традиционалистского фундаментализма», и далее он обращает внимание на другую угрозу: «...вторая проблема вырастает из углубляющегося противоречия между унификационными аспектами интеграционных процессов глобализации и социокультурной самобытностью национальных обществ и региональных цивилизаций» [Галкин 2002: 7, 11]. По его мнению, возможные культурные вызовы глобализации диктуют необходимость разработки оптимальных моделей гармонизации взаимоотношений между различными самобытностями. Культурная глобализация, отмечает У. Бек, «не означает, что мир в культурном отношении становится однородным» и новая культура может с необходимостью подразумеваться как «не-интегрированное, неограниченное многообразие без единства» [Бек 2001: 61, 123].

В сфере культурной глобализации в основном доминируют два подхода, которые можно условно назвать «унификационно-гомогенный» (западное однооб-

разие) и «гетерогенно-плюралистический» (многообразие как синтез самобытностей). Отношение ученых к этим подходам характеризует не только своеобразие научных дискуссий, но и позицию самого исследователя. Причем каждый из этих подходов предполагает специфичную модель мегаобщества. В этой связи представляет интерес подход И. Валлерстайна: с одной стороны, призыв к множественности и многообразию культур – это призыв к равенству всех культур. С другой стороны, это призыв к партикуляризму, а значит, и к скрытой иерархии. Отсюда один шаг до установления иерархии культур [Глобальные... 1998: 194]. Как видно, речь идет не только о «многообразии и однообразии» культуры мегаобщества, а о «горизонтальной» суверенности культурных самобытностей или «вертикальной» их соподчиненности, что в конечном счете может привести к «американизации». Культурная глобализация поднимает столь серьезные проблемы, что ученые, естественно, не торопятся с окончательными выводами.

Размышления о культурной модели мегаобщества представляют не только чисто научный интерес, но конкретно затрагивают национальный суверенитет каждого государства и его социокультурную самобытность. На теоретическом уровне анализа не исключается возможность потери глобализирующейся страной своей культурной самобытности, что способствует формированию «настороженного» (и даже негативного) отношения к глобализации. Эти вполне очевидные и даже возможные потери можно минимизировать, если научное сообщество достигнет консенсуса в понимании культурной глобализации как процесса, который вовсе не предполагает унификацию по «западному образцу», а прокладывает путь к построению мегаобщества с «мозаичной культурой», построенной на основе синтеза национальных самобытностей. Но, к сожалению, в науке пока идут серьезные дебаты и вышеуказанные полярные подходы все еще доминируют. Надо отметить, что многие ученые четко осознают несомненные преимущества культурно «мозаичной» глобализации. В частности, В. Толстых уверен, что формула глобализации как двуединого процесса – параллельной и одновременной интеграции и автономизации существующих общностей, институтов и сфер деятельности – дает конструктивную основу для понимания формирующегося глобального мира по модели «единство как многообразие» [Толстых 2003: 388, 393].

Однако некоторые исследователи, ссылаясь на авангардную позицию и роль США в реальной глобализации, предпочитают констатировать объективность угрозы «американизации» мегакультуры. Так, А. С. Панарин считает, что «господствующая в мире западная цивилизация работает как редуцирующая система, снижающая социокультурное и жизнедеятельное разнообразие мира в ходе всепроникающей вестернизации. Само понятие вестернизации предполагает по сути наличие одного-единственного субъекта истории – Запада» [Панарин 1998б: 50]. К такому выводу приходит также О. И. Величко: в большинстве стран, отмечает он, современный этап глобализации воспринимают как «американизацию» и потому активно ей противодействуют [Величко 2002: 57–60]. С этими исследователями солидарен и В. Тураев: «Глобализация, обретая формы вестернизации, угрожает культурному многообразию человечества... Далеко не безобидным явлением представляется языковая глобализация» [Тураев 2002: 37]. В отношении к «вестернизации» выделяются две позиции, которые условно можно назвать пессимистической и оптимистической: первая признает необратимость вестерниза-

ции, а вторая – временность такой ситуации и не исключает возможность ослабления волн «американизации».

На данный момент есть одно принципиальное различие между «оптимистами» и «пессимистами». Дело в том, что глобализация пока реально осуществляется в форме вестернизации («американизации»), а альтернативная модель глобализации относится к сфере желаемой возможности, перспективы. Но исследователи и на этот случай находят теоретические аргументы в пользу той или иной позиции. Так, С. Хантингтон прогнозирует уменьшение могущества западной цивилизации и ослабление ее универсалистских устремлений, что в конечном счете приведет к перманентному росту культурной независимости других цивилизаций, и это может осложнить их взаимоотношения [Хантингтон 2003: 537]. Он конкретизирует свой вывод прогнозированием вероятного глобализационного противостояния цивилизаций по оси «Запад – ислам». Другие исследователи также не исключают возможности осложнения хода глобализации из-за социокультурной несоизмеримости цивилизаций: они полагают, что «в долгосрочной перспективе трудно рассчитывать на позитивное, взаимообогащающее взаимодействие культурных систем различного цивилизационного происхождения» [Иноземцев, Кузнецов 2000: 20–23]. Здесь по умолчанию признается культурная самодостаточность, самобытность народов, цивилизаций. Данный аргумент продуктивно используется многими учеными. В частности, по мнению Тамоцу Аоки, традиции и культура каждой страны и каждого общества оказывают влияние на глобализацию и, более того, глобализация – процесс, который отнюдь не ведет к полному единообразию [Тамоцу 2004: 83]. Более обстоятельно анализирует особенности вестернизации («американизации») глобализации и возможные ее последствия М. Кастельс. «Западный мир, – пишет он, – исчерпал “легитимную самобытность”... Распад единой самобытности, равнозначный распаду общества как разумной социальной системы, вполне может оказаться приметой нашего времени. Ничто не говорит о возникновении новых форм самобытности» [Кастельс 1999: 297]. Пока глобализация не испытывает необходимости в самобытности, пишет М. Кастельс, но наряду с этой тенденцией заметно проступает волна мощной «самобытности сопротивления», которая находит себе опору в ценностях сообщества и не поддается напору глобальных тенденций и радикального индивидуализма. Такая самобытность строит свое сообщество на традиционных ценностях» [Там же: 298].

Проведенный анализ актуальных проблем культурной глобализации указывает на их серьезность и значимость как в глобальном масштабе (видение контуров мегаобщества), так и в локальном плане – глобализационных перспектив национальной самобытности. Именно в сфере культурной глобализации страны реально сталкиваются с нежелательными тенденциями и угрозами глобализации. Более того, в этой сфере при определенных условиях (в ходе развития глобализации в целом) могут возникнуть предпосылки для столкновения цивилизаций [Хантингтон 2003]. И не случайно, наверное, в общем списке научных работ, посвященных теме глобализации, возрастает удельный вес культурологических исследований. Научное сообщество отчетливо осознает, что социокультурная проблематика является подлинно философским «камнем преткновения» для разворачивающейся глобализации мира. И успех (или неуспех) этого процесса во многом

зависит от достижения консенсуса между учеными и политиками в понимании и выборе наиболее целесообразного сценария развития культурной глобализации.

Таким образом, глобализация играет важную роль в формировании полицентричной системы международных отношений, которая способствует укреплению экономических, политических, культурных и информационных связей между различными государствами и регионами, что позволяет разным акторам принимать участие в глобальных процессах и вносить свой вклад в принятие решений.

Подводя итог типологического анализа глобализации, следует еще раз четко зафиксировать, что выделенные нами ее сферы (типы) разворачиваются по своим имманентным закономерностям, находясь при этом в единой системе связей и взаимовлияний. Экономическая глобализация, несмотря на очевидные успехи, все еще не устранила пропасть между богатыми и бедными, а напротив, эта диспропорция усиливается (проблема «Север – Юг», или «золотого миллиарда»). Политическая глобализация создает предпосылки для формирования новой парадигмы демократии, которая потенциально заряжается тоталитарными угрозами. А культурная глобализация (конкретным мини-образцом которой, по мнению С. Хантингтона, выступает «давосская культура»), бросая явный вызов самобытности, прокладывает путь новому мегаобществу, характеризующему пока неясными культурными контурами. Во всех этих сферах наличествуют собственные неопределенности и проблемы. А их взаимозависимость значительно усложняет развитие каждой области и адекватное понимание всей глобализации. Остается только добавить к сказанному, что нами в основном были рассмотрены «три кита» современной фазы глобализации. На втором плане остались другие ее области (типы) – информационная, человеческая, языковая глобализация. Не исключено, что со временем и они выйдут на первый план, тем самым еще более усложнив глобализацию и наше понимание ее сущности. Но другого пути нет: мы не только обречены на глобализацию, но, прежде всего и главным образом, обречены на изучение ее логики и понимание ее сути. Это является самой актуальной задачей для любой страны, которая осознанно входит в глобализационный процесс или спонтанно будет втянута в сферу ее влияния. Несомненно, что для страны гораздо лучше, если она входит в пучину глобализации с осознанием и пониманием. В этой связи следует подвергнуть анализу более конкретные вопросы, связанные с глобализацией постсоветских государств вообще и России и Азербайджана в особенности.

Именно выявление специфики прохождения каждым государством глобализации и переходных процессов позволяет более четко выявить риски и вызовы развития и адекватность ответов на них.

Литература

Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализации – ответы на глобализацию. М. : Прогресс-Традиция, 2001.

Бергер П. Введение. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М. : Аспект Пресс, 2004. С. 8–24.

Вебер А. Б. Неолиберальная глобализация и ее оппоненты // Полития. 2002. № 2. С. 22–36.

Величко О. И. Проблемы глобализации в католической мысли // *Полития*. 2002. № 2. С. 52–61.

Галкин А. А. Поступь глобализации и кризис глобализма // *Полития*. 2002. № 2. С. 5–21.

Гезалов А. А. Трансформация общества в эпоху глобализации (социально-философский анализ). М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009.

Глобальные и региональные проблемы в работах Иммануила Валлерстайна / под ред. Л. Ф. Блохина. М. : ИНИОН РАН, 1998.

Горшков М. К. Гражданское общество и гражданская культура в современной России: опыт социологической диагностики (вместо предисловия) // *Россия реформирующаяся*. 2012. Вып. 11. С. 3–26.

Горшков М. К., Комиссаров С. Н., Карпухин О. И. На переломе веков: социодинамика российской культуры. М. : ФНИСЦ РАН, 2022.

Деягин М. Г. Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Т. I. Общая теория глобализации. 12-е изд., перераб. и доп. М. : ИПРОГ, Книжный мир, 2019.

Джохадзе И. Массовое общество и демократический тоталитаризм: свобода без выбора. URL: www.rutenia.ru/logos/number/2001.5.6/04.htm.

Иноземцев В. Л., Кузнецов Е. С. К проблеме трансформации мирового порядка в XXI веке // *Философские исследования*. 2001. № 3. С. 5–24.

Кастельс М. Могущество самобытности // *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология* / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999. С. 296–312.

Кувалдин В. Глобальность: новое измерение человеческого бытия // *Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития* / науч. рук. М. С. Горбачев. М. : Альпина Паблишер, 2003. С. 31–57.

Назарчук А. В. Этика глобализирующегося общества. М. : Директмедиа Паблишинг, 2002.

Панарин А. Что такое глобальный мир? М. : Логос, 1998а.

Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М. : Русский Мир, 1998б.

Тамоцу А. Некоторые аспекты глобализации в современной Японии // *Многоликая глобализация* / под ред. П. Л. Бергера, С. П. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 77–97.

Толстых В. Глобальные вызовы и поиски ответа: социокультурный аспект // *Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития* / науч. рук. М. С. Горбачев. М. : Альпина Паблишер, 2003. С. 36–41.

Тураев В. А. Глобальные вызовы человечеству. М. : Логос, 2002.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // *Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития* / науч. рук. М. С. Горбачев. М. : Альпина Паблишер, 2003. С. 528–557.

Чумаков А. Н. Контурно-цивилизационные исследования: их роль и ценность в глобальном мире // *Вестник Московского университета. Сер. 27: Глобалистика и геополитика*. 2018. № 1. С. 30–44.